

Ольга Погодина-Кузмина

ТОЛСТОГО НЕТ

Драма в двух действиях

Действующие лица:

Софья Андреевна, его жена, 65 лет

Александра Львовна, его дочь, 26 лет

Илья Львович, его сын, 44 года

Лев Львович, его сын, 40 лет

Валентин Федорович Булгаков, его секретарь, 23 года

Доктор Сергей Иванович, его врач, 50 лет

Катюша, горничная в его доме, 18 лет

Ольга Погодина-Кузмина
Толстого нет

«Ольга Погодина-Кузмина»

2014

Погодина-Кузмина О.

Толстого нет / О. Погодина-Кузмина — «Ольга Погодина-Кузмина», 2014

«Как бы я хотела вырваться в Москву, хоть бы на несколько дней! Сейчас сезон концертов в консерватории, а я безумно, упоенно люблю музыку! Признаться, и не только музыку, а и весь этот светский блеск, highlife, красивые наряды, изобилие цветов, учтивые и изысканные манеры...» Драма в двух действиях, текст в авторской редакции.

Содержание

Действие первое	6
Сцена первая. Усадьба	6
Сцена вторая. Письма	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Ольга Погодина-Кузмина

Толстого нет

Действующие лица:

Софья Андреевна, его жена, 65 лет

Александра Львовна, его дочь, 26 лет

Илья Львович, его сын, 44 года

Лев Львович, его сын, 40 лет

Валентин Федорович Булгаков, его секретарь, 23 года

Доктор Сергей Иванович, его врач, 50 лет

Катюша, горничная в его доме, 18 лет

Действие первое

Сцена первая. Усадьба

Барский дом в усадьбе Ясная поляна. Терраса на каменном фундаменте, где в хорошую погоду хозяева и гости завтракают, обедают и пьют чай. Двор окружен молодыми деревьями. Ранняя весна.

На террасе Софья Андреевна, нарядная и еще свежая дама, сидит за швейной машинкой, строчит блузу для мужа.

Во дворе появляется Александра Львовна, у нее в руках пакет с письмами и газетами. За ней идет Булгаков с небольшим чемоданом.

Александра Львовна (*Булгакову*). Мама будет вас допрашивать, готовьтесь. Она здесь хозяйка. Вы, наверное, знаете, что с тех пор как отец отказался от собственности вся Ясная Поляна – усадьба, лес, земля – формально принадлежат ей одной...

Софья Андреевна. Саша, это ты? Встретила? Что ж так долго? Ну, поднимайтесь же ко мне!

Александра Львовна и Булгаков поднимаются на террасу.

Александра Львовна. Вот, мама – Валентин Федорович Булгаков, новый секретарь.

Софья Андреевна величаво протягивает руку Булгакову, он склоняется в небольшом поклоне.

Софья Андреевна (*обращаясь к секретарю*). Как вы доехали, Валентин Федорович?

Булгаков. Спасибо, хорошо.

Александра Львовна (*матери*). Представь, какое варварство у нас повсюду! Там приехали синематографщики с аппаратами. Хотели снимать поезд и вокзал, так жандарм им не позволил. Надо писать тульскому губернатору – без его разрешения, видите ли, никак нельзя!

Софья Андреевна. Что ж, у них свой порядок.

Александра Львовна. Да ведь это же дикость, мама! Это только у нас могут придумать!

Софья Андреевна. Не понимаю, что ты так разволновалась. (*Булгакову*.) Мужу сегодня нездоровится, он прилег отдохнуть. Я часто забываю, что ему скоро восемьдесят два года, и в таком возрасте неизбежны дряхлость и болезни... А вам сколько лет?

Булгаков. Мне двадцать три года.

Александра Львовна. Мама, господин Булгаков, верно, устал с дороги. Я велю подать чай.

Александра Львовна уходит.

Софья Андреевна. А вот я никак не могу чувствовать себя старой! Все осталось молодо: и моя впечатлительность, и душа, и рвение к труду, и желание веселиться!.. Так вы, Валентин Федорович, прямо из Москвы?

Булгаков. Да.

Софья Андреевна. Как бы я хотела вырваться в Москву, хоть бы на несколько дней! Сейчас сезон концертов в консерватории, а я безумно, упоенно люблю музыку! Признаться,

и не только музыку, а и весь этот светский блеск, *highlife*, красивые наряды, изобилие цветов, учтивые и изысканные манеры... (*С горячим интересом.*) Расскажите же, что там, в Москве?

Булгаков. Третьего дня на Арбатской площади солдат не отдал чести пьяному офицеру, и офицер шашкой зарубил его до смерти.

Софья Андреевна (*вздыхнув*). Ужасно! И как много стало таких случаев... Наша русская жизнь очень грустна, не правда ли?

Булгаков. Это результат жестокой деятельности правительства, которое останавливает всякое движение жизни в народе!

Софья Андреевна. А сколько было пожаров нынешней зимой! Вот еще сегодня утром приходили из Мясоедова погорелые, и я дала им по семи рублей на двор. Впрочем, что ж вы стоите...

Булгаков садится. Софья Андреевна берет недошитую блузу.

Софья Андреевна. Как видите, Валентин Федорович, мы тут живем простой трудовой жизнью. Встаем на заре, ложимся рано. Утром пьем кофе с оладьями, большой завтрак у нас в два часа, обед в половине седьмого. Лев Николаевич утром работает у себя наверху, и выходит обычно только к завтраку. Все в этом доме делается для *его* пользы и удобства. Для *него* и Саши готовят отдельные блюда, а мы, простые смертные, едим мясо, рыбу, яйца и молоко.

Булгаков. Я тоже вегетарианец.

Софья Андреевна. Это, может быть, похвально, и понравится *ему*, но если бы вы были женщиной, вы бы поняли, как эти привычки усложняют жизнь хозяйки. Вечно придумываешь для них кушанья – то суп с рисом на грибном бульоне, то пюре из спаржи, то артишоки... Ведь одним хлебом с луком нельзя кормить, хоть они и заявляют, что ели бы! Ещё *он* любит мед, сушеные фрукты. Хорошо, если лето, а зимой как всё это дорого! К тому же такая еда производит брожение в желудке, а питания никакого, и он худеет. Маша, наша вторая дочь, умерла от вегетарианства.

Возвращается Александра Львовна.

Александра Львовна. Что ты говоришь, мама! Маша умерла от тифа!

Софья Андреевна. Тиф – только последствие. Она с детства была слабой и болезненной, я её всячески ограждала. Но когда она вышла замуж, тут уж я ничего не могла сделать. (*К Булгакову*). Толстовцы всё обращают в фанатизм, Валентин Федорович, и сейчас её возвели в какие-то героини – что она работала до изнеможения, лечила крестьянок, учила грамоте бедных детей. А я вспоминаю, как приезжала к ним в именьеце. Нищая обстановка, отвратительная еда. Ей всего тридцать пять лет, а она сгорбленная, худая, как старуха. И нервная, с всегда готовыми слезами – они не дружно жили с мужем.

Александра Львовна. Мама, ты бы хоть мертвых пожалела!

Входит горничная Катюша, сервирует стол для чаепития. Софья Андреевна поднимается, осматривает чашки.

Софья Андреевна. Это живых надо жалеть, а мертвым уже всё равно. К тому же, я правду говорю. (*Катюше*.) Катюша, эта салфетка не свежая, надо заменить. И принеси мое лекарство, на рабочем столике в комнате... Впрочем, ты всё напутаешь, придется самой идти.

Александра Львовна. Я принесу.

Софья Андреевна. Ну вот, как будто я кого-то утруждаю!

Александра Львовна. Мне не трудно.

Софья Андреевна. Ты из каждого слова делаешь спор.

Александра Львовна(с видимым усилием). Я вовсе не спорю. Ты несправедлива. (Со злостью.) Ты всегда несправедлива ко мне!

Софья Андреевна. И это наша жизнь, Валентин Федорович! У меня страшно разболелась голова, и каждое движение мучительно. Но никто не хочет затрудниться, чтобы принести лекарство, тогда как я не сплю ночей...

Александра Львовна. Господи, когда же это кончится!

Александра Львовна быстро выходит.

Софья Андреевна. Ну вот, теперь она сядет и напишет пять писем в разные стороны, о том, что я семейный тиран, что я никому не даю жить!

По ступеням веранды поднимается доктор Сергей Иванович, кланяется. Софья Андреевна идет к нему навстречу. Катюша приседает.

Доктор. Мир сему дому. А хозяевам – жить да молодеть, добреть да богатеть!

Софья Андреевна. Здравствуйте, доктор!

Доктор. Погода славная, и вы сегодня свежи, distinguished Софья Андреевна. И глазки веселые. Позвольте-ка ручку.

Целует руку у Софьи Андреевны, затем считает пульс.

Софья Андреевна. Что вы мне скажете, доктор? Я приму любой приговор.

Доктор. Скажу, что счастливый вы народ, женщины. Наденет новое платье, и сразу помолодела, и пульс недурен.

Софья Андреевна. Один вы мои платья замечаете! Ещё кто-нибудь подумает, что я ради вас наряжаюсь.

Доктор. Отчего же, я бы принял как комплимент.

Софья Андреевна. Да, познакомьтесь – это новый секретарь Льва Николаевича, прямо из Москвы. А это наш доктор, Сергей Иванович.

Булгаков. Булгаков.

Накрыв стол к чаю, Катюша уходит. Возвращается Александра Львовна.

Александра Львовна. Вот твои соли, мама.

Софья Андреевна. Благодарю, уж не нужно – дорога ложка к обеду.

Александра Львовна(отворачивается от матери). Здравствуйте, Сергей Иванович. Папа отдыхает. Вы в Овсянникове были? Как там наши больные?

Доктор. Больные как положено – болеют. Но дела их не плохи, велели вам кланяться. А, у вас чай? Я выпью, еще не завтракал. Как подняли с утра к роженице, так и не пришлось закусить. В Скуратове у богатого однодворца жена родила тройню. Любопытный случай.

Доктор пьет чай. Александра Львовна садится рядом с Булгаковым, ножницами разрезает бечевку на пакете с письмами и газетами, письма отдает Булгакову, сама начинает просматривать газеты. Софья Андреевна берется за недошитую блузу.

Александра Львовна. Знаете, что говорит про вас папа? Вот Сергей Иванович будет так ездить по больным, всё ездить, а потом умрет. И вся жизнь на это ушла...

Доктор. Дорогая моя, Льву Николаевичу вольно рассуждать, он – великий человек. У него Фоканыч украл четыреста рублей, а он этого же Фоканыча в рассказе обрисует, как характерный тип, да и получит свои деньги назад. А нам взять неоткуда.

Софья Андреевна (*Булгакову*). Валентин Федорович, у нас есть «ремингтон» в особой комнате. Вы владеете машинописной техникой?

Булгаков. Нет, но я быстро учусь.

Доктор. Есть предметы, которым я хотя не раз учился, но раз-учился.

Софья Андреевна. А почерк у вас разборчивый? Льву Николаевичу нужен человек, который мог бы сам отвечать на письма по общественным вопросам. Этим писем к нам приходит до сорока в день, и составление ответов очень утомительно.

Булгаков. Я не боюсь работы.

Александра Львовна (*Булгакову*). Мы с вами разделим обязанности. Я ведь тоже переписываю для отца, отвечаю на письма, отбираю публикации по важным вопросам – о земских судах, о собственности, о духовной жизни.

Доктор. Так вы, господин Булгаков, студент? Или окончили?

Булгаков. Студент. Но я не знаю, буду ли продолжать курс. Мои политические взгляды слишком расходятся с варварскими принципами устройства нашего общества...

Доктор (*Софье Андреевне*). Да, забыл вам сообщить, в Овсянникове я встретил фотографов с аппаратами, которые намереваются вскоре нагреть сюда, чтобы «заснять великого старца в кругу семьи».

Александра Львовна. Не понимаю им нужно снимать семью.

Софья Андреевна. Отчего же, Саша? Семья тоже должна быть, я всегда на этом настаиваю.

Александра Львовна. А я не понимаю этой настойчивости, мама.

Софья Андреевна. Да почему же мне не быть всегда с моим мужем? Это Чертков и его шпионы не хотят, чтобы в газетах и на карточках мы были вместе. Потому что это разрушит их клевету перед потомками – будто мой муж совершенно от меня отдалился, и в конце жизни мы стали чужими людьми. Я же хочу всем доказать, что это ложь.

Проходит Илья Львович – с ружьем, в охотничьем костюме. На поясе висит тощий заяц.

Булгаков (*глядя на зайца*). А я слышал, что Лев Николаевич противник охоты и вообще убийства зверей.

Илья Львович. Разве это охота? Только дразнить себя.

Илья Львович уходит.

Доктор. Хотел спросить вас, Софья Андреевна. Тут в издательстве Маркса вышло объявление, что Толстой готовит новую повесть из жизни духовенства. Пишут, будет вещь посильнее «Отца Сергия».

Софья Андреевна. У нас нет никаких дел с Марксом, я сегодня же напишу его вдове...

Доктор. Я просто подумал... было бы неплохо, если б Лев Николаевич и правда взялся за повесть. Со всем уважением к его газетной публицистике, все же его романы дороже мне, да и многим его почитателям. Их ждут – он всегда умеет удивить новым поворотом.

Булгаков. «Отца Сергия» я считаю вершиной духовной мысли.

Александра Львовна (*вырезая заметку*). Но отдельные места читать мучительно.

Софья Андреевна (*взглянув на Булгакова*). Молодым людям просто вредно читать эту вещь, в ней много нечистоты.

Катя пробегает по двору, за ней выходит ещё один сын Софьи Андреевны, Лев Львович. Услышав голоса, тихо поднимается по ступеням террасы.

Доктор (*пьет чай, закусьивает*). Да, тут прочел любопытную книгу. Заметки английского путешественника. Он попал в племя людоедов, живущее в Африке. Интересно, как там справляются с захваченными в бою военнопленными. Человека, назначенного на съедение, ведут к главному военачальнику, и тот краской отмечает у него на коже тот кусок, который оставляет себе. Затем несчастного поочередно подводят для таких отметок к остальным членам племени – по старшинству, пока всего не исполосуют краской. И жертва спокойно выносит эту процедуру.

Софья Андреевна. Доктор, что за ужасы вы рассказываете!

Лев Львович (*входит*). Как я понимаю, мама, этой аллегорией доктор хотел нам сказать, что наш отец живет в своем доме, как назначенный на съедение, которого уже поделили на куски.

Софья Андреевна (*оборачивается*). Лёвушка, ты нас напугал.

Лев Львович. Не справедливее ли пугаться нам, домочадцам великого человека, когда всякий день мы видим в своих комнатах посторонних, часто неприятных нам людей... Любой сапожник имеет больше приватности за своими дверьми, чем наша семья.

Александра Львовна. Лев, познакомься, это новый секретарь отца... Мой брат Лев Львович, тоже писатель. Может быть, вы читали его вещи в журналах.

Лев Львович (*Булгакову*). Кто вас рекомендовал отцу? Чертков?

Булгаков. Нет, один мой товарищ, давний толстовец...

Лев Львович. Давний толстовец! Словно это запущенная болезнь.

Александра Львовна. Ты не замечаешь, Лев, как глубоко болен ты сам. Ты болен нравственно!

Лев Львович. Я, по крайней мере, не лгу себе и людям, как *он*. И как ты, дорогая сестрица! (*Закуривает сигару.*) Впрочем, у всех нас одна болезнь – толстовская порода!

Доктор. А знаете ли, драгоценная Софья Андреевна, чем овёс похож на человека?

Софья Андреевна (*испуганно*). Овёс?

Доктор. Овёс может быть сеян несколько раз. Человек же может быть сеян лишь однажды. Впрочем, и человек может быть несколько рассеян... (*Берет свой саквояж.*) Что ж, раз Лев Николаевич отдыхает... Поеду на станцию, мне из Москвы с почтовым хирургический инструмент должны прислать.

Доктор берет шляпу, кланяется. Уходит.

Александра Львовна (*обращаясь к брату*). Зачем ты вечно говоришь ему бестактности, Лев? Доктор много делает для отца и для всех нас. И не за плату, а из дружественного отношения. Для чего эти намеки?

Лев Львович. Если тебе не нравятся намеки, я могу сказать прямо! Мы все знаем, что именно благодаря таким «друзьям» как этот доктор, могут появиться на свет бумаги, роковые для будущего нашей семьи!.. Не правда ли, господин секретарь? Чертков нарочно приехал в губернию, чтоб поселиться поблизости. Он и Александру завербовал в свои союзники. Она же влюблена в него, как кошка!

Александра Львовна. Боже мой!.. Нет, это не дом, это ад!

Александра Львовна быстро выходит.

Лев Львович (*с усмешкой*). Толстовская порода! Вы, кажется, в недоумении, господин новый секретарь? Удивлены, что под покровом нашей деревенской идиллии скрываются столь бурные страсти? Что ж, поживёте с месяц, не будете удивляться ничему.

Уходит, насвистывая. Софья Андреевна и Булгаков остаются одни.

Софья Андреевна. Вы видите, Валентин Федорович, в каком напряжении душевных сил мне приходится жить в моем собственном доме! Мой сын слабый человек... Он женился без любви, из одного противоречия отцу. И вот теперь мучается с нищей, нелюбимой женой, делает долги... Еще одно ужасное прозрение – видеть, какими ничтожествами вырастают твои дети!

Булгаков. Но отчего он не живет в своей семье?

Софья Андреевна. Вы всё равно узнаете наши тайны, так что лучше я сама расскажу. Владимир Григорьевич Чертков, когда-то бывший первым соратником и другом моего мужа, с некоторых пор начал плести заговор против меня. Цель одна – получить в свое распоряжение права на посмертное издание рукописей Толстого. Тщеславие – вот главный фактор, а Чертков хочет выступить благодетелем человечества, встать на одну ногу с великим писателем. Он говорит, что будет печатать книги Толстого бесплатно, (*Смеется.*) но ведь это же неисполнимая глупость! Вы согласны со мной?

Булгаков. Сударыня, мне трудно отвечать, на меня так много сразу свалилось...

Софья Андреевна. Да поймите, самой мне ничего не нужно! Только пока муж решает вопросы мироздания, кто-то должен подавать обед, мыть белье, доставать дрова для печки. Хозяйство обходится очень дорого, кругом воровство, порубки в лесу... У сыновей долги, любовницы. Дочери моей уже... а к ней еще никто не сватался...

Булгаков. Софья Андреевна, это совсем не то! По правде сказать, я устал с дороги. Прошу вас, позвольте мне пройти в мою комнату.

Софья Андреевна (*сухо*). Понимаю, вас заранее настроили против меня. Не спорьте, я вижу! Но когда вы убедитесь, какая ноша взвалена на мои плечи, вы, может быть, измените свой взгляд... Катюша!

Входит горничная Катюша.

Софья Андреевна. Что это ты раздумянилась?

Катюша. Ничего-с, Софья Андреевна. В кухне от печки угар.

Софья Андреевна. Готова комната для господина секретаря? Ступай, проводи. Валентин Федорович, к обеду будет гонг. Муж тоже спустится, если пройдет его нездоровье. А сейчас простите, мне нужно пойти к нему и дать лекарство. Он принимает лекарства только из моих рук.

Софья Андреевна уходит. Катюша провожает гостя. На лестнице Булгакова поджидает Александра Львовна.

Александра Львовна (*тихо, порывисто*). Простите нас, Валентин Федорович... Мама стала невыносима, брат Лев – чудовище, я сама не могу сдерживаться! Толстовская порода, он верно сказал. Если вы не сможете ужиться с нами, я пойму.

Булгаков. Меня не страшит эта жизнь, Александра Львовна. Главное для меня – быть полезным Льву Николаевичу.

Александра Львовна. Вы будете, я уверена! Нам еще о многом нужно поговорить... Только не верьте брату – я не влюблена в Черткова! Впрочем, это вовсе не важно. Ступайте, ваша комната в первом этаже.

Булгаков в сопровождении Катюши уходит. Александра Львовна возвращается на террасу. Поджидающий ее Лев Львович курит, облокотившись о перила.

Лев Львович. Что ж, сестра, ты всё бегаешь от меня? Может, сядем и поговорим по душам? Я готов принести извинения, если тебя обидел.

Александра Львовна. Не знаю, о чем нам с тобой говорить, Лев.

Лев Львович. Хотя бы о нашем отце.

Александра Львовна. Что тут говорить? Ты более всех ждешь *его* смерти, и даже не скрываешь этого при посторонних. Я же хочу одного – чтобы он был здоров и покоен, чтобы мог продолжать свою работу. А это почти невозможно в нынешних условиях.

Лев Львович (*после паузы*). Скажи мне правду – он подписал завещание?

Александра Львовна. Каким бы ни было решение отца, мы должны принять его с уважением.

Лев Львович. С уважением отдать миллион Черткову и еще неизвестно каким мерзавцам? Нет уж, это дудки! (*Подступая к ней.*) Отвечай, сейчас же, есть завещание в пользу Чертова или нет?

Александра Львовна. Ты пьян, Лев. Оставь меня!

Александра Львовна хочет уйти, Лев Львович хватается ее за руку.

Лев Львович. Отвечай, дрянь!

Александра Львовна хватается со стола колокольчик и звонит.

Александра Львовна. Василий! Катя! Кто-нибудь!

Вбегает Катюша. Лев Львович отпускает сестру.

Александра Львовна. Катюша, что же ты не уносишь чай!? Уже скоро надо накрывать к обеду.

Катюша. Слушаюсь, барышня.

Александра Львовна. У вас на всё один ответ – слушаюсь, слушаюсь! А кругом пыль, полы не терты, еловые ветки в вазе торчат с Рождества. А скоро уж Пасха!

Катюша. Я хотела убраться, да Софья Андреевна не велела. Ей-богу, барышня!

Лев Львович уходит, насвистывая.

Александра Львовна. Полный дом прислуги, а окна в комнатах черные, одна паутина, не видно ничего!

Катюша (*торопливо*). Окна в субботу будут мыть, Софья Андреевна сказали, баб с деревни наймут, как прошлый год...

Александра Львовна (*со злом*). Чем пререкаться, быстрее бы сделала. Как будто я требую чего-то невозможного! Вы же теперь не крепостные, вам деньги платят! Ты же здесь не в гостях, ты должна прислуживать, работать!!

Катюша вдруг принимается плакать. Александра Львовна спохватывается, обнимает ее.

Александра Львовна. Ну что ты, милая? Ну, полно, полно! Я же не виню тебя...

Катюша. Барин, Лев Львович, как приехали, проходу не дают... Стерегут в комнатах, щиплются больно. Теперь грозятся, что барыне доложат, будто я... по ночам в деревню бегаю... А я, барышня, ей богу, у батюшки была в последний раз на святки...

Александра Львовна вытирает Катюше глаза.

Александра Львовна. Ну, глупости какие! Ну, полно плакать... Я с ним поговорю.

Из верхних комнат слышен голос Софьи Андреевны.

Софья Андреевна. Саша, Саша, скорее, сюда! Снова приступ! Пошли Адриана за доктором! Катя, неси горячей воды... Скорее же, у *него* ноги отнялись! Да что же, никто меня не слышит?!..

Александра Львовна и Катюша торопливо бегут наверх. Услышавший крики Лев Львович проходит через террасу, с любопытством смотрит вверх.

На шум выходит Илья Львович. Братья молча ждут.

Сцена вторая. Письма

Середина мая, свежая и дружная весна. На перилах террасы выложены сушиться подушки и перины. По ступеням поднимаются Доктор и Софья Андреевна, одетая в шелковую юбку и нарядную блузку с букетиком цветов на корсаже. Доктор снимает шляпу, ставит в углу трость.

Софья Андреевна. Вчера на ночь долго растирала ему живот камфарным маслом, потом положила компресс со спиртом. Ел он сегодня рисовую кашу – я не сказала ему, что там коровье молоко, а то бы не стал... Хотела уговорить его съесть яйцо, но не смогла...

Доктор. А как температура?

Софья Андреевна. Кажется, упала. Он рано поднялся утром, я слышала, как он шаркает. Написал уже какое-то обращение к рабочим... Бедный, как посмотришь на него, на эту знаменитость всемирную – худенький, жалкий старичок. Совсем пожелтел от лекарств. И всё идут эти посетители, без конца...

Доктор (*отставляя чашку*). Ничего, голубушка... Кого Бог любит, тому и крест посылает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.